

18 МАЯ
ДЕНЬ МУЗЕЕВ

Вчера директору Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина Ирине Антоновой была вручена Премия имени Шостаковича

ОЖИДАНИЕ МАДОННЫ

Событие экстраординарное. До сих пор эта почетная награда, учрежденная благотворительным Фондом Юрия Башмета, вручалась только «выдающимся деятелям музыкального искусства, обогатившим своим талантом мировую культуру». Для седьмой по счету награды сделано исключение. Ее получает не музыкант, а искусствовед по специальности и директор по должности. Знаменитая Антонова, великая женщина! **Организованный ею и Святославом Рихтером фестиваль «Декабрьские вечера» стал органичной частью музыкальной жизни России.**

Ольга НИКОЛЬСКАЯ

— Ирина Александровна, с какими чувствами вы узнали о присуждении вам Премии имени Шостаковича?

— Без всякого кокетства — это большая неожиданность и высокая честь. Соединение в этой премии двух великих имен Башмета и Шостаковича очень, очень лестно. Безумно дорогая и трепетная для меня награда. Как-то так по жизни получилось. До войны, когда была совсем девочкой, еще не понимала этой музыки, но отец брал меня на концерты своего любимого композитора. Привел на первое исполнение 5-й симфонии в Большой зал консерватории, на первое исполнение Квинтета в Политехнический.

— Любовь к музыке у вас с юности и на всю жизнь?

— Выходит так. Потом сама стала ходить на Шостаковича. Это было 29 или 30 марта 1942 года. Первое исполнение 7-й симфонии. Колонный зал. Концерт был днем, и когда звучал финал, началась воздушная тревога. Мы это поняли с подружкой, потому что на сцену вышел дядя в военной форме, стал пробираться к дирижеру среди музыкантов. Потрясенные музыкой, шли через весь город. Нас пытались засунуть в метро, в бомбоубежище, но мы убежали. Почти дошли до дома, когда нас все-таки препроводили в убежище. Всегда слушала Шостаковича и очень любила. Ощущала это так: вот он отвечает мне. Это мой композитор, моего времени, пишет то, что созвучно и близко мне...

— Став директором, вы, наверно, познакомились с Дмитрием Дмитриевичем?

— Нет. Что очень обидно. Много раз его видела, но лично знакома не была. Случай представился незадолго до его кончины. У нас в музее Евгений Нестеренко должен был исполнять сонеты Шекспира на музыку Шостаковича, и мы ждали автора. Но пришла его супруга Ирина Антонова, теперь вдова, и сказала: «Он не придет — ему трудно подняться по музейным ступеням». Лифта тогда у нас не было, но я просила: «Будем счастливы видеть Дмитрия Дмитриевича. Есть вариант, который не раз использовали, — гостя сажает в кресло, и рабочие вносят его...» Говорила это со слабой надеждой, догадываясь: он не согласится, чтобы его несли... Его уже не было, когда в музее стал проводиться ежегодный фестиваль «Декабрьские вечера».

— Хотя еще весна, но программа этого года, вероятно, уже известна?

— Конечно. Все нужно продумать, связать по времени и по духу выставку и музыку. Ведь главное — совмещение концертов и экспозиции. Тема очередного фестиваля — «На заре XX века». Будет большая выставка Клода Моне, в которой примут участие 10 зарубежных музеев и Эрмитаж. Аннотации к картинам составляются по текстам Марселя Пруста, созвучным живописцу. Сейчас вышли книги этого удивительного, редкого писателя «Пруст — о музыке», «Пруст — о живописи». Они — прекрасный материал для очередных «Вечеров». А в музыкальной части программы — Дебюсси, Форэ, Шопен, Вагнер. Ведутся переговоры с лучшими исполнителями...

— Потрясающие будут «Вечера»! Но совсем скоро, в пятницу, — День музеев. Чем его встретите?

— Для нас Международный день музеев начнется уже в среду, 16 мая. Здесь, в Итальянском дворике, соберется культурная общность Москвы, чтобы отметить этот день и 45-летие Российского комитета Международного совета музеев — ИКОМ. Профессиональный праздник сейчас охватывает весь мир, поэтому приятно напомнить, что учрежден он был в 1977 году — именно в Москве, на генеральной конференции ИКОМ. Такие конференции проводятся раз в три года в различных городах мира. В этом году в начале июля XIX генконференция пройдет в испанской Барселоне. Ее тема — «Музеи перед лицом экономических и социальных проблем». Ожидается участие более 130 стран, и наша делегация, безусловно, будет представительной.

— Социальные вопросы тоже интересуют профессиональных музейщиков?

— Как раз 18 мая, в праздничный для нас день, важность социальных проблем становится очевидной. В этот день в музее открыты двери — бесплатный вход для всех. Выстраивается большая очередь, что радостно и печально. Ясно, что для многих посетителей цена билетов играет существенную роль.

— Но сейчас у вас и в выходные, и в будни немало посетителей...

— Посещаемость музеев снова выросла, хотя нам еще далеко до того бума, который пришел в театры. Но самые трудные времена позади. Наш музей хорошо посещают москвичи и туристы из Германии, США, Японии. К сожалению, уменьшилось число

Сергей ПЛАДЕНКОВ

россиян из глубинки, почти прекратились массовые посещения из провинции. Это очень заметно. Поэтому мы сами стараемся идти к зрителю. Наши выставки с успехом прошли в Перми, Туле, Рязани. Даже на Сахалине мы устраиваем выставку одной картины и получаем оттуда самые горячие благодарности. Хотя эта деятельность довольно сложна из-за дороговизны транспорта, ее тормозит и криминальная ситуация в городах и на дорогах.

— Вы по-прежнему непреклонны в вопросах реституции?

— Безусловно! — А забило сердце, когда пошел слух, что на вашего Гойю претендует американская гражданка? Она решила отсудить у вас его картину «Карнавал на площади» и подала в суд?

— Нет. Это мы уже пережили. Теперь принят Закон о реституции, регламентирующий такие проблемы. Я его уважаю. Он создал правовое, юридическое поле, но не закрыл путь для диалога. В России две вещи Гойи и обе — из «трофейных». Если говорить о «Карнавале», важно знать каким образом эта картина оказалась в России. Может, прежний владелец продал ее Гитлеру? Такие случаи имели место. Причем продавали за крупные суммы. Коллекция рисунков Кенигса, о которой было много разговоров, шла за самую настоящую цену. Необходимо выяснить, что имело место: конфискация, продажа, коллаборационизм? С чьей коллекцией мы имеем дело — промышленника Херцога, Гитлера или Геринга?

— По-моему, повод для лишних разговоров и домыслов о судьбе картин дало долгое молчание о коллекциях, вывезенных из Германии?

— Былая тайна выглядит нелепой. Зачем стеснялись? Нужно

было говорить откровенно и показывать все, что у нас есть. Безоговорочная капитуляция не предполагает никаких апелляций, поэтому зря трофейные вещи так долго не выставлялись.

— Вам тяжело было хранить эту тайну?

— Скажу откровенно. Никто и никогда меня не спрашивал — какие коллекции поступили к нам. Открещиваться не приходилось, поэтому зря трофейные вещи так долго не выставлялись. Можно подумать, что все те годы нас спрашивали, а мы отнекались. Не было этого! Уже потом, в 92-м году, когда начались псевдоразоблачения — мы-де прячем «чужие сокровища», — приходилось отвечать: «Вопрос — к министерству». Это была одна заученная фраза. Неприятно, правда, было просто так отсылать людей. Мы неоднократно обращались в высокие инстанции с просьбой разрешить показ того, что у нас есть. Нам говорили: нужно подождать.

— Из-за этого «подождать» и начались кривотолки?

— Моя позиция здесь такова. Принцип засекреченности или недоступности части материала был и есть везде. Всегда есть какие-то архивы, которые не показывают, по крайней мере — до определенной поры. Если вы с этим не согласны — не работайте в этом музее, в этом архиве. Если

же взяли обязательства, надо их выполнять, а не торговать ими, подготавливая их к огласке за мзду. Есть только два подхода — третьего быть не может. Это уже гадость, невыносимая гадость.

Однажды напрямую спросила «правдолюбцев» — почему они делали публикации не у нас, а за рубежом? Их бы с готовностью напечатали в России с приходом открытости и гласности. Нечего отвечать. На Западе им за закрытую информацию заплатили во много раз больше, и они устроились там с семьями.

— Шумиху они все-таки подняли...

— Она мало что дала. Теперь даже многие немцы считают: главное — вещи не пропали, они сохраняются, их можно увидеть.

— Вы всегда сами водите по залам музея высоких гостей. Как внутренне настраиваетесь? Сейчас, пожалуй, проще, не так страшно, как во времена всемогущих генсеков?

— Из генсеков прежних времен я водила только Брежнева. Было это в 1981 году на выставке «Москва — Париж», где впервые после долгих лет был широко показан наш авангард. Малевич, Филонов, Кандинский, Петров-Водкин, Шагал... Некоторые опасались, что может повториться скандал, который произошел с Хрущевым на вы-

ставке в «Манеже». Меня инст-руктировали, советовали: не показывайте ему того, сего, проведите мимо. А как это возможно? Здесь я повольновалась. Но с Брежневым все обошлось. В Белом зале он остановился у картины Александра Герасимова «Ленин на трибуне». Ее он, видимо, хорошо знал.

Никаких страхов не испытывала, когда потом водила Горбачева, Раису Максимовну. Показывала экспозицию Жаку Шираку, королю Хуану Карлосу, королеве Софии, президенту Италии Чампи. Но, по правде говоря, высокие политики никогда не заставляли меня так волноваться, как Галина Сергеевна Уланова или Святослав Теофилович Рихтер.

— Из выставок будет ли что-нибудь эпохальное, вроде «Москва — Париж»?

— Будет! Но сначала об очень интересной выставке африканского золота из США. Музей Хьюстона, наш партнер, с которым имеем договор о сотрудничестве, — обладатель лучшей коллекции такого рода.

— Золото Африки... Для нас нечто неведомое.

— Я знакома с этими удивительными вещами. Москвичи увидят примерно 200 изделий ювелиров и златокузнецов, предназначенных для королевских дворов Западной Африки. В основном это XIX век. Каждая вещь исполнена символического и мистического смысла. Придется нам временно, на два месяца, закрыть свою экспозицию золота Шлимана. Нет у нас свободных витрин, обеспечивающих безопасность показа сокровищ. В обмен на выставку африканского золота мы покажем в США свои «Шедевры французской живописи». Выставка пройдет по городу, где в отличие от Нью-Йорка или Сан-Франциско, меньше знают о нашей культуре.

— А теперь расскажите об эпохальном.

— Это проект «Россия — Италия». Замысел огромен. Он охватывает пять с лишним веков культурных отношений. Итальянцам будет очень интересно увидеть «Последний день Помпеи» и наши древние иконы, а нам — работы Андреа Мантеньи, Сандро Боттичелли, других великих мастеров Возрождения. В наших музеях их мало. Поделиться сокровенной мечтой. Надеюсь, что удастся еще раз показать москвичам «Сикстинскую мадонну». Для России творение Рафаэля много значит. О нем писали Пушкин, Вяземский, Одоевский, Гончаров, Достоевский, Репин, Суриков... Раньше в Италию ездили обязательно через Дрезден — специально, чтобы увидеть ее. Она была как образец, как высшее достижение искусства. Все это чувствовалось и в 1955 году, когда картина впервые демонстрировалась у нас в музее. Появление «Сикстинской мадонны» в Москве придало бы особую значимость выставке «Россия — Италия». Сейчас начинаются конкретные переговоры. Выставку предполагаем открыть в Москве в конце 2003 года.

— Спасибо за впечатляющий анонс. И позвольте от имени «Вечерки» поздравить вас с наградой и профессиональным праздником.

Досье «ВМ»

АНТОНОВА Ирина Александровна, академик Российской академии образования и Российской академии художеств, заслуженный деятель искусств, член Президентского совета по присуждению Государственных премий, лауреат Государственной премии 1995 года. Специалист в области итальянского искусства эпохи Возрождения. С 1945 года работает научным сотрудником ГМИИ имени А. С. Пушкина, с 1961 — директор музея (уже 40 лет!). Член Международного совета музеев (в течение 12 лет — вице-президент, с 1992 — Почетный член). Имеет российские и зарубежные награды. Совсем недавно ей был вручен орден Командора за заслуги перед Итальянской республикой.